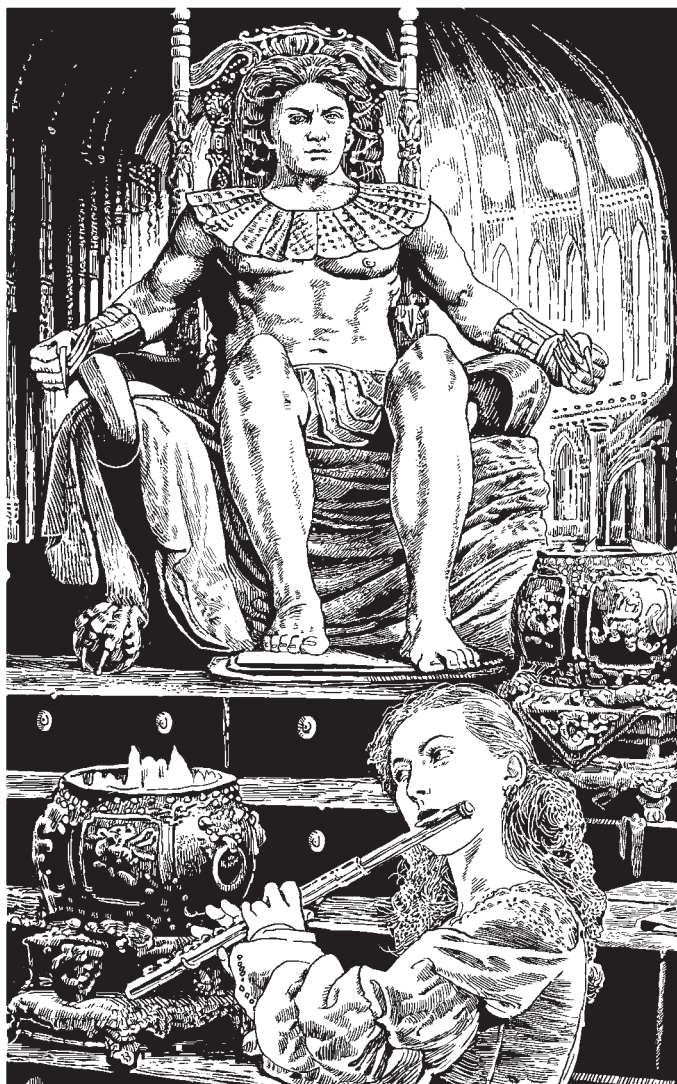

Пролог

ПО СОБСТВЕННОМУ ВЫБОРУ

Эрси брел по хорошо утоптанной грунтовой дороге. Ноги уже не так гудели, как поначалу. Он привык. Конечно, можно было бы прихватить с собой лошадь, но наездник из него никудышный, да и за животным нужно смотреть: чистить, кормить, а Эрси лошадей как-то побаивался.

Лошадь нужна тому, кто спешит, а он не торопится никуда, так как не знает, куда идет... Просто на юг. Поначалу он шел на восток: вставал на заре и брел, не различая ничего первые несколько часов, так как утреннее солнце слепило ему глаза. Но сейчас — на юг.

На нем была простая одежда: сорочка, брюки, куртка и добротные туфли. В рюкзаке за спиной одеяло, кое-какая сменная одежда и запасы продовольствия. А еще у него есть достаточно пламенной монеты, да и огоньков с искорками хватает, — если еда закончится, он купит все что нужно в поселениях, встречающихся на пути. Ограбления Эрси не боялся — Тария все-таки страна безопасная, даже для одинокого и небедного путника. Хотя в первые дни своего путешествия Эрси чувствовал себя потерянным ребенком, оставленным родителями посреди базарной площади. Но теперь привык. На юг... на юг... Все свободные птицы летят на юг...

Солнце было уже довольно высоко и припекало, благо зима закончилась. И хотя в южной Тарии зима мягкая, она все же не так приветлива для путешественника, которому частенько приходится ночевать под открытым небом, как того хотелось бы.

Эрси свернул с дороги, заметив подходящее для отдыха место. Зеленая трава здесь буйно разрослась, устилая все вокруг мягким ковром. Он огляделся по сторонам в поисках камня или ствола дерева, — сидеть на земле Эрси не очень-то любил. Пора отвыкать от глупых привычек: в этот

раз придется садиться на траву — кресла здесь нет... да что кресла — жесткого треногого табурета — и того нет... Путник вытащил из рюкзака и расстелил одеяло, затем извлек хлеб, солонину и небольшую луковицу, следом — карту.

Одновременно набивая рот нехитрой едой и прихлебывая большими глотками ключевую воду из фляги, Эрси развернул желтоватую плотную бумагу и стал разглядывать схематические изображения гор, рек, дорог, холмов и городов.

Где он сейчас находится? Сам же свернул с мощеного широкого тракта, а теперь вот не знает куда забрел... Примитив название городка, в котором побывал неделю назад и откуда шел дальше уже по грунтовой дороге, Эрси ободрился, даже обрадовался. Он затолкал в рот мешавший руке кусок солонины и стал вести пальцем по полоске на карте, обозначающей тракт — тот (как Эрси надеялся), по которому он сейчас путешествует.

Вот: совсем недалеко отсюда — он дойдет туда уже к вечеру, — город, небольшой, но и не деревушка — Гирсен. Когда-то давно он бывал в нем. Там Эрси купит себе немного овощей и поест нормально в одном из трактиров, а то от солонины уже воротит. Да и выспаться можно в гостиничной комнате.

С хорошим настроением он бодро зашагал по дороге к Гирсену, планируя на ходу покупки, расходы, подбивая баланс оставшихся у него монет.

Местность изменилась, редкие рощицы исчезли вовсе, предоставив место невысоким, покрытым цветущими травами холмам. И среди этого буйства зелени — нигде не видно никакого города!

Солнце уже клонилось к закату, когда Эрси заметил расположившиеся у подножия холма несколько домиков, утопающих в цветущих деревьях. На Гирсен это не похоже... совсем не похоже.

Разочарованно взирая на деревушку, Эрси остановился, вновь стянул с себя рюкзак, вновь развернул карту... Неужели он ошибся? На юге от дороги только эта вот деревушка, а сама дорога дальше сворачивает на запад... а не так, как на карте... «Карты — это не мое! — раздраженно думал Эрси. — Строить планы — это тоже не мое! Что же сейчас... мое?..» Он нервно свернул плотную бумагу, почти смял, засунул обратно в рюкзак и стремительно зашагал к поселению, надеясь, что пока он туда доберется, гнев и раздражение по-

утихнут. Видно, зря надеялся, потому что когда он окликнул встретившегося ему первым в поселении крепкого мужчину возгласом: «Добрый человек!» — тот шарахнулся от него.

Эрси сделал усилие над собою и смягчил тон:

— Добрый человек, где тут у вас гостиница?

Мужик оглядел его с ног до головы и ответил не сразу, будто мозги в узколобом черепе поворачивались слишком медленно:

— А ты чей такой будешь, юноша?

Эрси вымещал раздражение на собственных руках, заламывая пальцы, но ответить все же сумел спокойно:

— Меня зовут Эрси Диштой, я издалека. Путешествую. Думал, что приду в Гирсен, а оказался здесь...

Мужик присвистнул:

— Гирсен!.. Где мы, а где Гирсен — до него неделю топать... Это кто ж тебе так дорогу показал?

— Так что это за деревушка? И есть ли здесь приличная гостиница... — настаивал на ответе Эрси, добавив сквозь зубы: — Добрый человек?..

— Это Большие Луга, юноша. А гостиницы у нас отродясь не было, ни приличной, ни уж тем более неприличной.

Эрси заиграл желваками. Что ж не везет-то так?!

— Где же мне переночевать? Я могу заплатить.

Мужик отмахнулся от него огромной ручищей:

— На что мне твои деньги в таком захолустье? Мне год надо ждать, пока выберусь в город и смогу их потратить. А вот вдове Ришке деньги быгодились. У нее сын больной очень, вот она и собирает искорку к искорке. Уже лет двадцать — сколько сыну, столько и собирает... Говорит: «Поеду в столицу, заплачу Мастерам Силы, и они его исцелят». За хорошие деньги исцелят, конечно. Как пить дать исцелят!

— Мастерам Силы не позволено брать деньги за использование Дара, — пробормотал Эрси, но мужик его будто и не слышал. Да и какое ему дело. Жили здесь люди до него и будут жить после него. Будут строить планы, ворочая своими куриными мозгами со скоростью убегающей улитки... А у него дорога — своя.

— Иди вон туда, — мужик указал на небольшой покосившийся дом почти на самой окраине, — скажешь вдове, чтоб не боялась тебя пускать: мол, проверил тебя староста. А если что плохое ей сделаешь или не заплатишь... я тебя... —

Он угрожающе бухнул здоровенным кулаком по раскрытой ладони.

Эрси взглянул на него снизу вверх, усмехнулся, думая: «И не такие угрожали...» — и, ничего не сказав, побрел к дому вдовы.

Внутри убогое это жилище было еще более скромным, нежели снаружи: побеленные стены и потолок, грубо сколоченные деревянные лавки, всего одна комната. В углу за вязанием сидела не старая еще женщина — вдова Ришка, стало быть. А на лежанке напротив растянулся некрасивый и нескладный паренек лет двадцати. Эрси заметил, что одно плечо у того неестественным образом поднято намного выше, чем другое, левая рука, скрюченная и ссохшаяся, плотно прижата к туловищу. Эрси невольно поморщился и отвернулся от калеки, приветствуя вдову:

— Госпожа Ришка! Примите меня на постой! Я переночую и завтра отбуду... с утра. Заплачу вам огонек — чистое серебро! — Вдова, скорее всего, заметила, как он морщился, глядя на больного ее сына, и смотрела на Эрси с печальным упреком в глазах. Чтобы уменьшить ее сомнения, Эрси поспешил добавить: — Староста меня проверил: сказал, если что — голову мне оторвет...

— Как тебя зовут, сынок?

Эрси никак не мог привыкнуть, что люди старше сорока обращаются к нему со снисходительностью, присущей повидавшим на своем веку старикам по отношению к неразумному юноше.

— Эрси Диштой, — ответил он, подавляя раздражение и теребя локоны у виска.

— Что ж, Эрси, входи. Мы с Бини, — она указала на сына, — рады будем твоему обществу. Бини мой болен... ты уж его прости — он не может встать, чтобы тебя поприветствовать. Но ничего, все равно гостю мы рады. Живем тихо, скучно, новостей не слышим. Мы тут, в Больших Лугах, так и обитаем всю жизнь. А ты откуда будешь? Какое твое занятие, Эрси?

— Я... — он замялся. В разных городах Эрси представлялся по-разному, то горшечником, то торговцем, то крестьянином, но все эти занятия ему не подходили, так как он очень смутно представлял себе, в чем, собственно, они заключаются... Что у него было? Знания... пожалуй, только это. — Я учитель. Но сейчас я путешествую.

— Учитель? Такой молодой? Наверное, недавно стал Мастером?

— Я не Мастер! — поспешно воскликнул Эрси, этот допрос стал его раздражать. — Так вы позволите остаться?

— Да, конечно... Только кровати у меня еще одной нет...

Ни искры, ни пламени! Придется спать на полу! Как же у него болят бока!

Эрси с облегчением снял со спины тяжелый рюкзак и поставил у стены. Он нашел глазами свободный табурет и уселся, не зная, чем теперь заняться. «Хоть бы поесть чего предложила...» — думал он.

Женщина, словно прочитав его мысли, встала и направилась к плите, приговаривая:

— Пора бы и поужинать. Я сейчас приготовлю. Может, что интересное расскажешь нам, Эрси? Мы ведь нигде не бываем. А в столице ты был?

Обездоленный ее сынок криво и глупо улыбался — наверное, ко всему прочему, еще и дурачок...

— Был... давно... — нехотя отвечал Эрси. Чего-чего, а развлекать эту семейку беседой весь сегодняшний вечер ему хотелось меньше всего. Но, видно, придется. Назвался учителем — изволь, учи, делись накопленными знаниями!

Эрси принялся нервно барабанить пальцами по сиденью табурета, припоминая что-нибудь интересное. Ну и не такое, что повергнет в шок бедную вдову... Не станет же он ей рассказывать, что в Городе Семи Огней теперь новый Верховный, который к тому же еще и Мастер Путей, или то, что половину Совета Семи сменили... А о Древнем... (Эрси сглотнул, подумав о нем) так и вовсе упоминать нельзя ни в коем случае.

— Есть там... такой Ма... Мастер, что смог... бы меня... и-и-исцелить? — вдруг спросил, заикаясь и нечетко выговаривая слова, больной.

— А мне откуда знать?! — слишком поспешно и слишком резко ответил Эрси, чем снова заслужил неодобрительный укоризненный взгляд вдовы.

— Может, и есть... — сказал он более спокойно. Нужно быстрее думать, он сам должен выбрать тему для беседы. — Про войну с Арой вы слышали?

— Доходили слухи, — бросила женщина, подкладывая в разгорающийся очаг дрова. — Закончилась уже эта война?

— Да. Закончилась...

Так дорого за скромный ужин: тарелка супа да краюха хлеба, Эрси еще не платил! У него болел язык от того, что пришлось болтать без умолку весь вечер. Ему пришлось рассказывать обо всем на свете, начиная от географии Астамисаса и заканчивая сведениями о политическом устройстве и основополагающих законах тарийского государства, он не переставал удивляться невежеству этих провинциалов. Они искренне полагали, что в Тарии всем заправляет именно Король-Наместник, а вовсе не Малый Совет с Верховным во главе; думали, что Одаренные никогда не умирают; что эффы — это такие крылатые твари, вроде драконов; что гряды Сиодар гораздо меньше по протяженности и ниже Фаноллских гор; что Ара населена чернокожими, и так далее в том же духе... Подобной ерундой были забиты их бедные головы по самое не хочу. В какую же дыру его занесло!? Вот зря он свернул тогда с мощеной дороги... Впрочем... он ведь и хотел уйти как можно дальше...

Когда Эрси, наконец, обессиленно умолк, полагая, что из него и пытками уже не вытянешь ни единого слова, Ришка с этим ее увечным сыном вновь вернулись к излюбленной теме: «А есть ли такой Мастер в столице, что исцелит калеку? И сколько будет это стоить?»

Слабым уставшим голосом Эрси вынужден был им ответить:

— Денег за исцеление с вас не возьмут. Но сделать это очень трудно... Нужна большая Сила... — «Хотя, — думал про себя Эрси, — новому Верховному, судя по его подвигам, такое исцеление дастся не сложнее, чем щелчок пальцами... — И Эрси в самом деле непроизвольно щелкнул пальцами в подтверждение собственных мыслей. — Но у него сейчас, должно быть, забот полон рот — не до больных провинциалов... Ждали двадцать лет и еще подождете!»

— Но я слышала, что в Городе Огней есть один Целитель — очень сильный! Он — Советник! — проявила вдова необычайную осведомленность. — Я даже имя его попросила записать... Вот... сейчас...

Она встала, принялась рыться в каком-то сундуке, наконец, извлекла оттуда пожелтевший, сложенный в несколько раз листок и протянула Эрси со словами:

— Сама-то я читать не умею... Но боялась забыть это имя... Или неправильно сказать, когда приду в столицу. Думала, покажу бумажку грамотным людям, они мне и укажут,

как его найти. Но ты-то — учитель, Эрс! Прочти! Вслух прочти! Чтоб я знала, как правильно.

Эрси без какого-либо желания развернул листок и прочел вначале про себя, затем вслух, как и просила женщина:

— Советник Годже Ках... — Нужно ли ей сказать, что такого Советника больше нет? Или пусть живет ее надежда... Может, когда-нибудь она и вправду дойдет до Города Семи Огней с этим калеккой...

Женщина вслушивалась в прочтенное имя, как в музыку, завороченно повторяла его, а настроение Эрси окончательно испортилось: он угрюмо извлек из рюкзака свое одеяло и молча принялся укладываться спать на жестком земляном полу.

Эрси услышал сдавленный стон, затем еще один — громче. Не понимая, происходит это во сне или наяву, он вскочил прямо на ноги с лежачего положения, ошалело оглядел незнакомую комнату и только минуту спустя вспомнил, что он в доме у вдовы Ришки. Жалобные стоны продолжали доноситься из угла комнаты, где располагалась лежанка Бини — несчастного ее сына.

В свете лучины Эрси разглядел, что сын вдовы изогнулся на постели в приступе боли, а сама она пытается ему помочь, придерживая здоровую правую руку, которой тот молотил по лежанке, и смачивая ему лицо влажной тряпицей.

«Не мое это дело... — раздраженно подумал Эрси. — И зачем только я напросился на ночлег к этой вдове и малахольному ее сыну?! Лучше уж было заночевать в поле! По крайней мере, я бы выспался!»

Эрси лег на свое место, отвернулся, укрылся с головой. Полежал с минуту. Затем резко откинул одеяло, вновь вскочил на ноги и, подойдя к вдове, сказал:

— Слушай меня внимательно, женщина! — Его голос звучал довольно грубо, но Эрси это мало сейчас заботило.

У больного было временное послабление, он тяжело дышал, но рукой как лопастью мельницы больше не вертел, и его мать могла обернуться к гостю и выслушать.

— Когда я закончу, со мной будет происходить... нечто подобное... Мне будет очень... плохо. Но ты ничего не делай и никого не зови! Поняла?

Конечно же она не поняла, ничего не поняла! Он вытянул из кармана куртки кусок кожаного ремня с завязками

на концах, закусил его в зубах, затянул концы на затылке, и со вздохом отстранив мать, подошел к Бини.

«По крайней мере, сейчас я делаю это добровольно... Никто меня не заставляет, и это мой выбор, собственный выбор... Но почему ж, ни искры, ни пламени, так дорого нужно платить за этот выбор?!»

Он протянул руки к парню, сам изогнулся от боли, мучившей больного, почувствовал выгнутый, будто кривая спираль, изувеченный позвоночник, сухую недоразвитую руку, выкрученные колени, поврежденные участки мозга... Он выпустил лазурные потоки, которые практически творили этому мальчишке новое тело: здоровое и сильное... И, наверное, впервые в жизни он почувствовал удовлетворение и покой от того, что делал... делал по своей воле, а не идя на поводу у страстной жажды своего Дара.

Когда он закончил, как и ожидалось, неистовой силы отток сбил его с ног, сжал в тисках, сотряс в судорогах... Но Эпси Диштой исцелял теперь по собственному выбору, а не как Годже Ках, которым он когда-то был... Он потерял сознание.

Глава 1

ШТИЛЬ

Хатин Кодонак

Пятьдесят четыре непривычно коротко стриженных Одаренных стояли навтыжку перед Кодонаком: двадцать — «прыгуны», у остальных Дар Оружия. Даже с десятков Лучников отыскалось... Тайные. Хотя какие они теперь тайные, если всем в Городе Огней известно о Мастерах Силы, которые не обучались в Академии, не повязывали д'кажа и не демонстрировали всем свою причастность к имеющим Дар длинными волосами... Это те, кто не связал себя Кругом: они служили Верховному Атосаалу, теперь готовы служить Верховному Фаэлю. Что с ними делать? Их командиры, как и ожидалось, исчезли вместе с продавшимися Древнему. Эти пятьдесят четыре — так, мелкая сошка... И уровень контроля Дара у них оставляет желать лучшего. В зачистке Золотого Корпуса в старой резиденции они не участвовали, многие были в то время в цитадели Шай, поэтому Кодонак мог сейчас на них смотреть спокойно.

Лица у всех непрошибаемые: ну хоть эмоции свои они умеют скрывать — уже замечательно... Взять их себе в Золотой Корпус? Но тогда Верховный останется без гвардии... Отдать Вирду? Непроверенных людей? Не дававших клятвы всех Одаренных, которую те произносят, становясь Мастерами? Клятву служить Тарии и людям, не имеющим Дара. Может, они тоже давали какую-то свою клятву? Тайную гвардию ведь ввел Атосааль, давно... тогда Хатин еще не подозревал, что у него Дар, а Эбонадо уже был Верховным... Следует признать, — как ни скверно все обернулось, а Эбонадо Атосааль — это целая эпоха в истории Тарии. Какую клятву тот заставил их произнести? Так что же с ними делать? Повязать им д'кажи? Хатин остановился перед высоким, почти одного с ним роста, моложавым мужчиной.

По седине в коротких каштановых волосах и в аккуратной бородке Кодонак сделал вывод, что этот старше других.

— Твое имя? — обратился к нему Хатин.

— Илтэс Таш.

«Таш? Знакомая фамилия...» — думал Кодонак и тут — вспомнил! Афэль Таш — так звали парня, которого заговорщики принесли в жертву, пробуждая Древнего. Дали в руки парню «кинжал смерти»... А Кодонак ведь и не догадывался, что такая пакость, заставляющая имеющего Дар Оружия убить самого себя, существует. «Нужно выяснить все сейчас, незачем оставлять за спиной лишние незаданные вопросы», — решил он.

— Ты знаешь Афэля Таша?

— Он мой сын! — ответил воин, глядя в глаза Кодонаку.

— Сколько тебе лет? — Седина появлялась у Одаренного обычно после ста пятидесяти, и в этом возрасте дети рождались уже далеко не у каждого.

— Сто двадцать семь, Советник Кодонак.

Хатин кивнул. Значит, это седина у него появилась рано, а не сын — поздно...

— Советник Кодонак, позвольте спросить? — отчеканил тем же тоном Таш.

— Спрашивай, если смогу — отвечу.

— Вам известно, где сейчас мой сын?

Такого вопроса Кодонак не ожидал. Илтэс Таш не знал? Да... впрочем, откуда тот мог знать? Вот же угораздило его спросить имя у первого попавшегося на глаза бойца... Теперь придется все объяснять отцу...

— Почему ты решил, что мне известно его местонахождение? — ответил Кодонак, просто для того, чтобы что-то сказать.

Взгляд Таша помрачнел, больше он ничем себя не выдал, и пояснил спокойно:

— Вы сами спросили, не знаю ли я Афэля Таша, вот я и подумал... Афэля забрал Верховный Атосааль, когда у сына только развернулся Дар. Он, должно быть, проходит обучение вместе с другими новобранцами.

Новобранцы... Эбонадо не только придумал Тайную гвардию и полностью подмял ее под себя. В последние годы он отслеживал всех, у кого разворачивался Дар Оружия, и допускал к обучению в Академии Силы лишь десятую их часть. Вот почему среди всех студентов сыскалось меньше

двух десятков бойцов. Скорее всего, Исма помогал ему в этом: Силой Видения можно определить задатки Дара даже у ребенка. После бегства Атосааля и остальных Кодонак первым делом отыскал базу обучения этих новобранцев в Тайную гвардию и нашел там восемьдесят семь (только подумать!) слава Мастеру Судеб — несвязанных Одаренных с боевым Даром! В том числе и тридцать пять Лучников. Кроме них там тренировали сорок «прыгунов». Молодых людей переправили в Город Семи Огней, чтобы продолжить обучение здесь, и уже под руководством самого Хатина. Эти новобранцы восполнят потери Золотого Корпуса. Но те еще совсем юны — из них можно лепить что угодно, а вот эти... каковы они?..

— Илтэс Таш, — обратился к воину Кодонак. — Ты придержишься, у меня есть разговор к тебе.

Таш поклонился, дотрагиваясь ладонью до груди по военному обычаю. А Кодонак пошел дальше вдоль строя Тайных, размышляя о том, что скажет отцу трагически погибшего юного Афэля.

Вдруг все пятьдесят четыре бойца разом грохнулись на одно колено, склонили головы. Хатин обернулся к входной двери и увидел Вирда: тот был в длинном синем каме: немного оранжевой окантовки и золотой пояс с крылатым человеком на пряжке — вот и все украшения. Атосааль всегда предпочитал более яркие наряды. Не верилось, что он так молод... Казалось, что за месяц, прошедший со дня объявления его Верховным, Вирд стал старше лет на сто, не меньше... Его и до того пронзительные глаза стали еще острее. И юный возраст в среде Одаренных, на чьих лицах не отражается старость, в нем выдавала лишь короткая коса за спиной. Медальона Верховного на Вирде не было — этот атрибут власти прихватил с собою Эбонадо, но в руках Вирда-А-Нэйса перед Сияющим Престолом светились символы на Скипетре Силы — и это говорит о том, что он истинный Верховный.

Кодонак тоже склонил голову и коснулся пальцами меча на д'каже. Вирд ответил коротким кивком. Он окинул взглядом Тайных и направился к Кодонаку; выглядел юноша озабоченным.

— Что-то случилось, Верховный? — тихо спросил Хатин, когда Вирд приблизился.

Вирд хотел что-то сказать, уже открыл было рот, но тут остановился и резко обернулся, словно кто-то его окликнул.

— Встаньте, — мягко сказал он Тайным, что все еще стояли на одном колене. — Илтэс Таш — подойди.

Боец отделился от строя, направляясь к ним. Кодонак же гадал, чего хочет от Таша Вирд и почему именно этого человека он подозревал.

Верховный сделал шаг навстречу Ташу, положил правую ладонь тому на лоб и закрыл глаза. Из-под его руки сверкнул удивлением взгляд Тайного, затем Илтэс тоже зажмурился и застыл каменным изваянием. Остальные, в том числе и Хатин, смотрели на этих двоих в изумлении, задаваясь вопросом, что происходит. На несколько минут в зале воцарилась мертвая тишина, и резкий болезненный вздох Таша в этой тишине показался особенно громким и неприятным.

Илтэс отпрянул от Вирда, хватаясь одной рукой за голову, а другой за сердце и тяжело, безвольно осел прямо на пол. Верховный сделал шаг к бойцу, присел на корточки рядом и тихо произнес (слышал его, кроме Таша, только Хатин):

— Моего отца обманом заставили сделать Доа-Джот, инструмент для служения Древнему, а затем убили. Дар твоего сына, как и Дар моего отца, использовали, а их самих лишили жизни. Это больно. Но ты и я живы, чтобы не допустить подобного впредь.

С этими словами он поднялся, посмотрел на Тайных и вновь подошел к Кодонаку.

— Что ты сделал с ним? — Хатин никак не мог привыкнуть к тому, что с Вирдом нельзя ничему удивляться.

— Показал ему... как погиб его сын...

— Это... жестоко... — прошептал Кодонак, хотя сам был благодарен за избавление от роли вестника смерти.

— Нет. Это милость, — тихо возразил Вирд. — Я знаю... Мне нужно поговорить с тобой. Когда ты будешь свободен?

— Как только решу, что делать с этими Тайными.

— Поважи им д'кажи, поставь над ними главного, и пусть продолжают делать то, что делали. Пусть охраняют Советников.

— Я бы поставил своих людей... — «Охранять Верховного и мирных Мастеров в Совете Семи... особенно Элинаэль, должны надежные люди», — думал Хатин.

— Они надежны... Но для охраны Советника Кисам поставь еще парочку своих. — Вирд улыбнулся уголками губ, прочтя, казалось, мысли Хатина. Мог он читать мысли?

В это время Таш поднялся с пола, чем привлек внимание Вирда, тот обернулся.

— Спасибо, Верховный... — Боец отсалютовал, приложив руку к груди, не пряча слез.

Неужели это действительно было милостью?

Вирд в ответ приложил руку к символам меча и Света на своем д'каже.

— Все свободны! — громко объявил Кодонак. — Завтра вы официально станете Мастерами Силы. Приказываю всем побриться и облачиться в кам по такому случаю.

— Да горит пламя Совета Семи и Верховного! — хором ответили Тайные и стройной шеренгой покинули зал.

— Ты хотел поговорить, Верховный? — спросил Хатин, едва они остались вдвоем в этом пустом и обширном помещении, находящемся в Здании Совета. Здесь можно было выстраивать отряды бойцов, но для разговора зал довольно неуютен. Вирд, вероятно, тоже это чувствовал, поэтому, положив руку на плечо Кодонаку, переместился в Тихий сад.

— Почему они не стали сражаться за Город, Хатин? — Вирд заговорил не сразу. Перед тем они минут десять молча прохаживались вдоль цветущих клумб, висячих и вьющихся растений. — Атосааль ведь собирался начать бой... Атаятан ему приказал? Может ли Древний воспользоваться телом любого человека?

Хатин тревожно взглянул на Вирда: сколько часов в сутки тот спит? Он выглядит измотанным. Он слишком переживает, думает, что теперь всю Тарию обязан нести в одиночку на своих плечах.

— Вирд, — Кодонак позволял себе обращаться так к нему наедине, — я задаю себе те же вопросы каждый день. Насчет того, что может Атаятан, а чего не может, лучше обратиться к Пророкам и Толкователям. Как бы там ни было, но мы должны подготовиться к обороне. Хорошо, что Древний дал нам это время.

— Но он тоже не станет сидеть без дела! — возразил Вирд. — Что он предпримет? На какой город нападет? Нужно ли создавать заслон с севера? Ведь вполне могло статься, что он давно переместился в совершенно противоположную часть мира?

— Логику Атаятана мне сложно понять. Они могли бы

захватить Город еще тогда. У Эбонадо были все шансы. Если бы мы и выиграли, то с большими потерями. Но, по-видимому, планы Атосааля и планы Древнего не всегда совпадают. В одном я не сомневаюсь: на этом месте, где сейчас стоит Город Семи Огней, раньше был город Древнего, как поведал нам Абиль Сет, поэтому Атаятан непременно захочет вернуться. Бой за это место нам еще предстоит. И дай-то Мастер Судеб, чтобы мы были готовы к этому бою.

— Как подготовиться?! — Вирд спросил почти с мольбой в голосе. Юноша в отчаянии... не знает, что делать. Сердце Хатина сжалось, он понимал.

— Вирд. Ты усвоил, что должен взять на себя ответственность за всех и за все. Но есть еще вторая часть урока. Тебе нельзя все делать самому. Позволь каждому исполнить свою часть. Задай ритм, а другие подхватят. В одиночку ты, как Мастер Путей, можешь многое, но это лишь капля в море по сравнению с тем, что мы можем вместе. Я имею в виду всех Одаренных Тарии, кто не предался Древнему.

— Вы слишком рано сделали меня Верховным, — пробурчал Вирд.

— Да. Рано, — согласился Кодонак. — Это следовало бы сделать лет этак через сто. Как ты думаешь, Атаятан согласится поспать еще лет сто? Нужно будет написать ему письмо: мол, погоди, Древний, у нас Верховный еще слишком молод, а Мастеру Огней только семнадцать лет...

Вирд опустил глаза, упоминание о миссии Элинаэль всегда действовало на него отвращающе.

— Элинаэль нужно готовиться, и тебе тоже.

— Можно ли каким-нибудь способом избежать этого? — жалобно спросил Верховный.

— Что ты имеешь в виду?

— Не посылать Элинаэль... — Вирд с надеждой посмотрел прямо ему в глаза, и Кодонаку больше всего на свете хотелось ответить, что можно.

— Нет, Вирд. Она единственная Мастер Огней. А значит, рано или поздно она должна будет отправиться к Древнему и... сделать все как нужно... оставшись при этом в живых!

— Я тоже в каком-то смысле Мастер Огней! — возразил Вирд.

— Ты не Мастер Огней, Вирд. Нам не известно, как подействует на Атаятана твоя кровь. И, похоже, что даже самому Древнему это не известно. У нас будет только один шанс,

и для этого нужна Элинаэль. Это не тот груз, который можешь нести вместо нее ты!

Они помолчали.

— Ей нужно время... чтобы подготовиться... — наконец произнес Вирд.

— Тебе тоже нужно подготовиться. Я понимаю, как тебе тяжело: даже просто думать, что Элинаэль окажется в опасности, станет рисковать жизнью!.. Но ты должен сделать это — отпустить ее в ее собственный бой. Будь готов, как будто это произойдет уже завтра.

— Еще не завтра!.. — взмолился Вирд, и Хатин искренне посочувствовал ему.

— Еще не завтра... — вздохнул Кодонак.

Они вновь замолчали. Вирд сел... скорее, упал на скамейку под раскидистым экзотическим деревом Фус, листья которого походили на перья. Родина таких деревьев — Ара, но здесь, в Тихом саду, что только не растет... Кодонак расположился рядом.

— Я не знаю, за что хвататься, Хатин... — признался Верховный. «И все-таки он слишком молод — думал Кодонак. — Да и то, что он Мастер Путей, сейчас больше мешает, нежели помогает. Он пытается сделать все в одиночку. Он то на плацу с Мастерами Оружия пробует свои силы, то спорит с Пророками и Толкователями, то старается укрепить стены города... Был бы у него один Путь, он следовал бы этому Пути, а к остальным делам применял бы не Силу Дара, а мозги... Но ожидать, пока Вирд повзрослеет, увы, времени нет...»

— Представь, что ты неодаренный, — посоветовал Кодонак.

Вирд удивился и уставился на него, ожидая ответа. У парня был сейчас такой беспомощный и изумленный вид, что Хатин не сдержал улыбки.

— Представь, что ты не владеешь ни одним Путем Дара, — повторил он, — что тебе недоступна Сила. Все, что ты можешь, это думать головой и приказывать другим сделать что-либо вместо тебя.

— И как это поможет?

— Представь и подумай, что бы ты сделал. Пойми, Вирд, Дары и так работают в тебе более чем хорошо. Ты лучший во всем! Но твоих рук не хватит. Если ты один — то ты проиграл. Если же ты окружен преданными и способными

людьми — победа за тобой. Если бы ты был неодаренным, то иного выхода, как использовать других, у тебя попросту не было бы — ты ничего не мог бы сделать сам. Вот и задавай себе вопрос: «Кто это сделает?» — А ответ: «Я!» — заранее отклоняй.

— Советник Кодонак! — Похоже, Вирд злился. — Вы же все выбрали меня только потому, что я Мастер Путей! А теперь ты говоришь, что мне нужно быть неодаренным!

— Я сказал: представь, что ты неодаренный, и дай шанс другим проявить себя. Твоя основная задача — сплотить Мастеров Силы, научить их действовать как один. Только тебе понятно, как могут взаимодействовать мирный и боевой Пути. Тебе ведомы спокойствие и надежность Строителя, так же как и бунтарский дух Разрушителя. Ты можешь слышать песню меча, и ты можешь заставить сталь замолчать. И ты — тот, кто способен увидеть, как смогут взаимодействовать в бою или при защите Города Мастера, следующие совершенно разными Путиами.

Вирд пожал плечами, нахмурился, погрузился в раздумье. Так прошла четверть часа. Попусту терять время Кодонак не любил. За эти пятнадцать минут можно было сделать что-нибудь полезное, а посидеть с Вирдом смог бы кто-нибудь другой, да и ни к чему это... Во-первых, он, конечно, юн, но не настолько, чтобы испытывать нужду в няньке, а, во-вторых, обдумывать свой долг и предназначение нужно наедине с самим собою.

Хатин встал, собираясь попрощаться с Верховным, но тот поднял на него глаза и, словно очнувшись ото сна, произнес:

— Мне нужен новый меч!

Да! За всеми заботами и суетой Хатин и забыл, что у Вирда нет настоящего, выкованного специально для него меча... меча с именем.

— Так о чем речь? Можем прямо сейчас отправиться к Оружейникам.

Вирд тоже встал.

— Я хотел попросить у тебя «Разрывающий Круг».

Кодонак ревниво подумал о клинке у своего правого бедра.

— Ты хочешь мой меч? — Он произнес это равнодушным тоном, понимая, что отдаст свой меч Верховному, если тот повелит ему... Но клинок стал его частью, был будто бы создан для его руки... левой руки. Без песни своего меча Кодонак чувствовал себя в бою почти беспомощным.

— Не бойся, я лишь взгляну на него. — Вирд улыбался, а Хатин думал, чем выдал себя — ведь ни один мускул не дрогнул на его лице, он точно знал это. — Я хочу послушать песню... Нужно будет вложить подобную и в мое оружие, и в новые клинки для вооружения Золотого Корпуса. «Разрывающего Круг» ведь ковали против связанных с Древним...

Кодонак расслабился — никто не отбирает у него меч.

— Ты прав, хорошо было бы вооружить подобными мечами всех Мастеров, но я уже пробовал — у наших Оружейников ничего не выходит.

— А если я попытаюсь... как ты выразился — задать ритм?

Кодонак поднял бровь, вынул меч из ножен и без слов отдал его Вирду.

Элинаэль Кисам

Теперь, когда она уже не была студенткой Академии Силы, тяга к знаниям, подстрекаемая осознанием своей недоученности, проснулась в ней с особым пылом. Она, к своему стыду, не помнила даже, кто был Верховным до Эбонадо Атосаала, не говоря уже о составах Малых Советов. Но сейчас имена и даты запоминались легко, словно сведения о знакомых людях, события обретали смысл, и Элинаэль старалась вникнуть в историю со страстью, уступающей разве что маниакальной любознательности Абиля Сета. Столько, как сейчас, она еще никогда не читала, да и такого количества книг: древних, важных, некогда запретных и недоступных, — еще не бывало в ее распоряжении, к тому же множество мудрых и знающих людей готовы были оказать помощь, растолковывая непонятное.

Элинаэль начала с первых записей Совета Семи, которые тогда называли себя Огненосцами, она корпела над свитками в небольшой уютной библиотеке Совета, так как унести их оттуда не позволял Мастер Сет. Он переселился сюда и как коршун бросался на любого, кто посягал на вожаемые его свитки и фолианты, которые он наконец-то заполучил.

Абиль Сет уже не пугал собою Элинаэль так, как раньше, но она знала, что пояснений по поводу того или иного текста у этого взъерошенного Толкователя лучше не спрашивать, иначе вопросов станет больше, чем было. За помощью она обращалась к Советнику Энилю, благо что теперь их комнаты были на одном этаже Здания Совета.

Наверное, библиотека Академии Силы осиротела без присутствия Мастера Сета, ставшего некогда неотъемлемой ее частью, но то, что искал Сет здесь, в библиотеке Совета, было важнее, особенно для самой Элинаэль. Он должен был узнать, как именно она может остановить Древнего. Когда Элинаэль думала об этом, внутри все холодело и сжималось. Она понимала, что смерти ее не требуется, но легче, наверное, было бы просто дать себя убить. Встретиться с этим существом... прикоснуться к нему... Сможет ли она? Поначалу Элинаэль совершенно не представляла, как будет действовать, но Сет и Эниль откопали подробные описания процедуры погружения Древних в сон, и чем больше она узнавала, тем хуже ей становилось. И чем больше она старалась не думать об этом, тем больше было напоминаний.

Все напоминало о ее миссии, не давая Элинаэль отвлечься, забыться, расслабиться и вновь почувствовать себя беззаботной юной девушкой. Как забыть, когда повсюду за тобой следуют двое Мастеров Золотого Корпуса — охрана, выделенная Кодонаком... Советником Кодонаком, и Вирдом... Верховным...

Да что охрана? Одно то, что студентку-первогодка все называют теперь не «деточка», а Советник Кисам, уже свидетельствует о больших... нет — об огромных переменах! Мир изменился в одно мгновение. Она будто бы уснула одним человеком, а проснулась другим. И другие тоже не остались прежними: Хатин Кодонак из изгнанника превратился в Советника, Вирд из загадочного юного Одаренного — в Верховного... и в ее возлюбленного.

Элинаэль с теплотой подумала о Вирде... Верховный Фэль. Она уже два дня не видела его, он будто бы избегает ее общества в последнее время... или ей просто так кажется. Он очень занят. У него масса дел. Но мог бы выделить и для нее несколько минут!

Девушка шла по длинному коридору, направляясь к покоям Советника Эниля. Встретил ее конечно же Кими — старенький и сморщенный, но еще очень крепкий и бодрый. Кими нравился девушке: бывало, что туманные объяснения природы какого-либо явления, высказанные Абилом Сетом, он прояснял одной своей фразой, что больше смахивала на шутку. Старик был острым на язык, веселым и добродушным, и он теперь единственный, кто еще называл ее просто «девочка».

— К Ото? — спросил он, дружески улыбаясь ей.

Элинаэль утвердительно кивнула:

— Здравствуй, Кими! Как твоё здоровье?

— Да лучше всех! — захохотал он. — К тому же Вирд избавил меня от боли в костях.

Кими лишь Вирду позволял себя исцелять, и то лишь потому, что знал его с детства, как сына Мастера Фаэля. К остальным Целителям старый слуга относился с большим недоверием.

— А где сейчас Верховный, ты не знаешь случайно?

— Как же, знаю, — усмехнулся Кими, провожая Элинаэль в кабинет Советника.

Дальнейших пояснений не потребовалось, так как Вирд собственной персоной сидел в кресле перед Ото Энилем, беседуя с ним о чем-то.

— К вам Советник Кисам! — громко официально объявил Кими, и оба беседующих обернулись к входу.

Вирд встал, улыбнулся ей, взял за руку, усаживая в кресло, в котором только что сидел сам.

— Рад тебя видеть... — прошептал он.

«Мог бы за эти два дня и заглянуть ко мне...» — хотела было обидеться на него Элинаэль, но тут же передумала — они не студенты, чтобы дуться друг на друга, сейчас на это просто нет времени. Девушка улыбнулась в ответ Вирду и поздоровалась с Советником Энилем.

То, о чем беседовали они до ее появления, было, видимо, не для ее ушей, так как в кабинете воцарилось молчание, и Элинаэль первая решила его нарушить.

— Я думаю, что чем дольше мы тянем, тем меньше шансов у нас, — проговорила она, сдерживая волнение.

Вирд глянул тревожно и как-то печально: он понял, о чем она.

— Нужно уже сейчас планировать, собрать тех, кто пойдет со мной, — продолжала девушка. Вирд тем временем бледнел и мрачнел, а Советник Эниль хмурился.

— Ты права... — наконец выдавил из себя Ото Эниль, — нужно подбирать группу. Пять Сил.

— Слишком рано... — тихо и неуверенно произнес Вирд.

— Важно, чтобы не было слишком поздно, — возразила она.

— Боюсь, что нам придется рискнуть еще одной юной

особой... — Советник Эниль сделал паузу, потирая губы и как бы не желая этого говорить.

— Кого вы имеете в виду? — спросила Элинаэль.

— Иссиму Донах. У нее Дар чистого Отсекателя, а если учесть то, что шесть тысяч лет назад чистые Дары встречались намного чаще, чем сейчас, то нет гарантий, что кто-нибудь другой в составе носителей пяти Сил добьется желаемого результата.

— Ты еще скажи, что тут и вместо Строителя нужен Архитектор, и чтоб не хуже Тотилия! — вмешался Кими.

— Насчет этого не знаю, — серьезно ответил Советник, — но Абиль открыл, что Мастеров в такую группу очень тщательно отбирали, они проходили испытания. Разрушитель, к примеру, должен был сломать нечто укрепленное пламенем... Мастер Сет разбирается, что это означает. Кроме того, прежде необходимо создать оковы, чтобы Атаятан не смог уйти или расправиться с посланными до того, как его погрузят в сон. Тем более что изготовление оков имеет тот же принцип. Когда они будут надеты на него, Древний ослабнет настолько, что не сможет сопротивляться. Но важно помнить, что он уже «ученый», один раз его поймали. И тогда он не ожидал подвоха, теперь же на эффект неожиданности надеяться не стоит. Кроме того, с ним Эбонадо Атосааль, которому события, произошедшие в далеком прошлом, а также их причины и последствия, известны намного лучше, нежели нам. Атосааль сам говорил мне, что изучал этот вопрос в течение пятидесяти лет. А у нас едва ли есть несколько месяцев... Если бы можно было получить отсрочку...

— Ото, не мог бы ты собрать Пророков и Толкователей и вместе с ними расшифровать все записи как можно скорее? — спросил Вирд.

Советник кивнул.

— И еще меня очень беспокоит вопрос с прислужником Хатоем. Что известно о подобном использовании людей Атаятаном? Мог ли Древний делать это раньше?

— Ты все-таки думаешь, что это был Древний?

— А кому бы еще подчинился Атосааль?

Элинаэль слушала, затаив дыхание: если то, что Древний разгуливает где-то по земле, угрожая безопасности Тарии и Города Семи Огней, и ужасно, то насколько ужаснее предположение о его возможности говорить и действовать через любого человека, в том числе неодаренного?..

— Я никогда раньше не встречал подобных упоминаний, и Абиль не находит их. — Эниль был огорчен. — Мы ищем из всех сил... Если Атаятан действительно на это способен, и если нет особых ограничений, то...

— ...то это страшно, — закончил за него Вирд. — И это важно.

— Я соберу Пророков, Толкователей и просто историков Пятилистника, и мы займемся этим вопросом. И если где-то в Тарии есть хоть одна строчка с упоминанием подобных событий в прошлом — мы ее найдем.

— Не только в Тарии, Ото, — голос Вирда приобрел металлический оттенок. — Пора мне встретиться с Хокой-То и чатанскими Мудрецами. У них в Аре тоже есть много чего интересного.

— Вирд, это опасно! — воскликнула Элинаэль. — Ты уверен, что они расположены помогать тебе?

— В Аре слышат только голос силы, — ответил он, приняв решительный и уверенный вид, — а я могу продемонстрировать силу, если это потребуется.

— Ты говоришь о Даре или...

— Сила, Элинаэль, сила — и не важно, в чем ее источник, для арайцев — не важно. Поверь, я могу быть убедительным.

Он говорил и смотрел так, что мурашками покрывалась кожа; Вирд иной раз казался ей совершенно незнакомым человеком.

Из покоев Ото Эниля они вышли вместе, и как только остались одни в пустом коридоре, Вирд резко обернулся, обхватив ее за талию, и через мгновение они оказались в одном из зимних садов. Сад Верховного. Этот небольшой зеленый участок, освещаемый тарийскими светильниками, был в полном и единоличном распоряжении правителя Тарии. Эбонадо Атосааль предпочитал прочим растениям деревья Мицами и кусты Котше, что цвели пышными белыми бутонами большую часть года. Дорожки в саду были выложены разноцветными блестящими камушками, а вместо скамеек, как в других подобных садах, здесь имелись настоящие мягкие диваны, обитые зеленым бархатом. Прежний Верховный любил роскошь, Вирд же в ней не нуждался, но место это ему нравилось, и Элинаэль тоже. Здесь было как нигде тихо, мирно и приятно, тем более в его объятиях...

— Почему ты не приходил эти два дня?

Вирд растерянно посмотрел на нее, словно не понимая, что уже два раза солнце вставало и заходило с момента их последней встречи. Спал ли он с тех пор? Ел ли? Он выглядит уставшим. Не дожидаясь ответа, Элинаэль привлекла его к себе и поцеловала.

— Я постоянно думаю о том, что предстоит нам... — прошептала она.

— Я тоже... но давай не будем сейчас говорить об этом, иначе я рухну на пол прямо здесь и примусь рыдать.

— Ты? Рыдать? — рассмеялась Элинаэль, не представлявшая себе такой картины.

Вирд тоже улыбался, и признаков, предшествующих отчаянному рыданию, у него пока не наблюдалось. Но тема и в самом деле тяжелая для них обоих. Она боится за себя, а еще больше за него... он ведь не останется в стороне. Возможно, планирует сделать все сам, как тогда, когда хотел освободить ее из цитадели Шай... Не зря ведь он так избегает разговоров об ее участии в погружении Древнего в сон, бледнеет и мрачнеет, когда об этом заговаривают другие. Но этого допустить нельзя: в одиночку он погибнет. В прошлый раз только чудо в лице раскаявшегося Каха спасло его от верной смерти.

Элинаэль поежилась, вспоминая, как близко был ее Вирд к гибели. Он прав, лучше об этом не говорить сейчас, и даже не думать. В этом саду они лишь вдвоем, и мысли о смерти не должны заполнять их еще далеко не старые головы.

Они присели на один из диванов, Вирд держал ее за руки, и его ладони были горячи.

— Ты будешь моей женой? — вдруг спросил он.

— Женой? — Не зря Гани Наэль называет его не Вирд, а Вихрь, он спешит прожить жизнь так быстро, будто он не Мастер Путей и у него еще не пятьсот лет впереди, а считанные дни... Ей вновь стало грустно.

— Мы станем мужем и женой. Ты хочешь этого, Элинаэль?

— Вирд... Время ли сейчас для торжеств?

— Без торжеств. Тихо. Пригласим только близких друзей.

— Свадьба Верховного... да еще и с Советником — без торжеств? Последнего Мастера Огней и Мастера Путей, пришедшего из легенд? Тихо?! Я бы рада, но, боюсь, Город Семи Огней тебе этого не простит.

— Ты отказываешься?..

— Нет! Я люблю тебя больше жизни. И твоей женой хочу стать... да хоть сейчас! Но...

Вирд опустил глаза и вздохнул:

— Ты права, Элинаэль. Нельзя так. И без торжеств ничего не выйдет, и торжества сейчас ни к чему... Прости, с тобой рядом я теряю голову. А когда думаю, что придется тобой рисковать, так и вовсе схожу с ума!

Он ведь сам не хотел об этом говорить...

— Вирд, у нас впереди еще длинная-длинная жизнь. Нам отмерено больше, чем другим. Нам дано больше. Мы с тобой не просто юноша и девушка, которым предстоит сразиться с могущественным врагом. Мы не беспомощны, мы вооружены лучше кого бы то ни было. И мы победим!

Вирд обернулся, посмотрел на нее; он улыбается, но в его глазах такая боль и печаль, что у Элинаэль защемило сердце. «Да. Мы победим, — говорили его зеленые колючие глаза. — Но какой ценой?».

— Тебе нужно отдохнуть, ты очень устал.

— Да ну... бывало и похуже.

— Вирд! — Она сделала голос как можно строже. — Сколько часов ты сегодня спал?!

— Сегодня? Да я еще вчера здорово выспался! — засмеялся он, на этот раз и глазами тоже.

— Вирд!

Оставив его уснувшим, Элинаэль неохотно покинула сад. Она бы осталась просто смотреть, как вздымается во сне его грудь, как подрагивают веки, просто поглаживать его волосы, охраняя беспокойные грезы... но ее ждали дела, а в отличие от Вирда, она высыпалась ночью, чтобы еще и днем не тратить на это время.

Охрана у двери Верховного уже потихоньку начинала привыкать, что из его покоев часто выходят люди, которые туда обычным путем не входили. Она прошла мимо, не обращая внимания на каменные лица, но с испытующими взглядами.

Спустившись по лестнице, Элинаэль оказалась на жилом этаже. Здание Совета — целый город внутри города, здесь столько помещений, комнат, этажей, лестниц, зимних садов, что можно годами жить, не выходя на улицу.

Ее собственная охрана, приставленная Кодонаком — двое Мастеров Золотого Корпуса: высокий светловолосый Гроус

и такой же высокий, но с темными волосами, всегда улыбающийся Эртор, — ожидали ее у двери. Вечером этих Мастеров сменят другие, но все смены своих телохранителей Элинаэль уже знала в лицо и по именам. Оба Мастера, даже веселый обычно Эртор, хмурились. Причина их недовольства ясна: она вошла к Советнику Энилю, а вернулась совсем с другой стороны, притом шла совершенно одна, что было, по их мнению и по инструкциям Кодонака, недопустимо. Элинаэль вздохнула — они не упрекнули ее, но Кодонак не упустит такой возможности, а потом ей достанется и от Вирда. Тот станет утверждать, что она должна была прежде вызвать телохранителей, а только потом возвращаться к себе в их сопровождении. «Они берегут меня, как фарфоровую куклу... или как единственное оружие, что может погубить врага...»

— Вас ожидают, Советник Кисам, — хмуро сообщил Гроус.

— Кто? — Элинаэль была удивлена — в ее покои, даже в приемную, без нее никого обычно не пускали.

— Две юные особы, Иссима Донах и Эдрал Инаси.

Девушка улыбнулась, с нетерпением распахнула дверь. Своих подруг она не видела уже с неделю. Иссима и Эдрал после всех этих событий словно поменялись местами. Первая стала такой же мрачной и неулыбчивой, как раньше Эдрал, и это неудивительно, учитывая то, что пришлось ей пережить. Человек, которому она доверяла — Эбонадо Ато-сааль, оказался виновником многих бед, предателем жизни и огня Создателя. Иссима долго не могла поверить... она ходила заплаканная, ссутулив плечи и пряча лицо. А Эдрал, принимавшая участие в деле восстания как никто другой (ведь она и Вирд могли определять, связан ли Одаренный Кругом), наоборот, стала чаще улыбаться и меньше задумываться о печальном. Она сделала сама что-то полезное и заслужила тем уважение матери. Конечно же Мастер Инаси и теперь требовала от Эдрал выполнения своих рекомендаций и реализации своих планов: например, желала, чтобы девушка сблизилась с новым Верховным и чтобы тот ее учил, как учил бы Исма, не оказись он предателем. Но и на уступки, видя, что дочь проявила необычное мужество, Мастер Инаси тоже пошла — разрешила Эдрал выйти за Иша. Они не спешили со свадьбой, практически по тем же причинам, что и Вирд с Элинаэль: надвигалась война, а Город Семи Огней еще не до конца понимал это, мирный город не представлял себе, насколько большая опасность грозит ему. Родина Ода-

ренных оказалась на граю гибели, и затишье, которое наступило сейчас, — лишь передышка перед страшной бурей.

— Она от Вирда, — захихикала Иссима, склонившись к уху Эдрал, когда Элинаэль вошла в комнату.

Девушки расположились в приемной на небольшом диванчике, и обе выглядели так, будто задумали какую-то шалость... более того, уже эту самую шалость и осуществили.

— Как он? — смеясь, спросила Иссима, сегодня она была в хорошем расположении духа; Эдрал тоже улыбается, и глаза ее лукаво поблескивают.

— Вирд? — Элинаэль пожала плечами. — Вымотан, измучен тревожными мыслями... Он не спит сутками, ест плохо... Сейчас только уснул... — Последние ее слова вызвали взрыв смеха, и обе подруги, содрогаясь от приступа веселья, спрятали свои лица: Эдрал в ладонях, а Иссима — в подоле платья.

— Что вас так смешит? — Элинаэль тоже посмеялась бы, если б понимала, над чем.

— Садись, садись, — белокурая красавица усадила ее в кресло и даже подала чашку чаю, за которым подруги коротали время, пока ее не было, без конца при этом посмеиваясь и бросая взгляды на Эдрал, — рассказывай по порядку.

— Что рассказывать?

— Все! — воскликнула Эдрал.

Элинаэль непонимающе нахмурилась, посмотрела на старшую девушку — щеки той полыхали алым, а с губ не сходила улыбка, — затем обернулась к Иссиме с немим вопросом в глазах.

— Каков он в постели, Мастер Путей?.. Что-то особенное, или как все? — выдавала та, и Элинаэль почувствовала, что краска заливает ее лицо. От неожиданности и дерзости сказанных слов она не успела даже возмутиться ими и молчала, хватая ртом воздух.

— Ты совсем смутила ее, Иссима! Разве ж можно так прямо?..

— А что ходить вокруг да около? Мы ведь именно это хотели узнать?

— Иссима! Эдрал! — только и смогла вымолвить Элинаэль, смущенная их интересом.

— Ну, мы же твои подруги, Элинаэль... — осторожно произнесла Эдрал, хитро щуря глаза. — Девушки иной раз делятся друг с другом... некоторыми секретами. Конечно, ты теперь Советник...

— При чем здесь это? — возмутилась Элинаэль. — Есть вещи... о которых...

— Вы что?! — Вдруг Иссима сделалась почти серьезной, нахмурилась и поставила свою чашку с чаем — белую в голубой цветочек — на приставной столик у дивана. — Вы еще не были вместе?!

Элинаэль понимала, что пылает сейчас, как закатное солнце накануне ветреного дня... Никогда она не думала, что эта встреча с подругами обернется для нее таким бестактным допросом.

— С чего ты взяла? — подняла глаза на Иссиму Эдрал.

— Посмотри на нее! — ответила та.

— Прекратите немедленно! — Элинаэль резко бухнула свою чашку на глянцевую поверхность столика так, что чай расплескался, и вскочила.

— Элинаэль! — Иссима нежно взяла ее за руки, настойчиво потянула, чтобы она вновь села. — Не сердись... Мы не хотим тебе зла. Но ты очень наивна. Ты не понимаешь, что такое юноша в восемнадцать лет, ведь ему столько недавно исполнилось? В нем кровь кипит! Желание просто невозможно удержать! Если ты не предложишь ему ничего... то найдутся другие!..

— Мы не должны это обсуждать!

— Отчего же? С кем еще ты сможешь обсудить подобное? Кто еще поделится с тобой опытом?

— опытом? — нахмурилась Элинаэль. — Иссима, ты едва на год старше меня!

Иссима хитро улыбалась.

— Я гораздо опытнее, — без всякого смущения заявила та, и Эдрал хихикнула. — Взгляни на него глазами любой женщины: он Верховный, он Мастер Путей, да и просто красивый юноша: походка, жесты, глаза... Какой голос у него! Как он смотрит! Как двигается! Никакой Мастер Оружия так не двигается! Как идет ему д'каж! А ты видела, каков он с мечом?! — Иссима говорила слишком уж увлеченно. — Все женщины вокруг него, от Одаренной сверстницы Ото Эниля до неодаренной молоденькой служанки, в очередь станут, чтобы залезть в его постель, даже без продолжения... А ты держишь его... голодным! И все эти женщины завидуют тебе черной завистью и готовы исправить твою ошибку!

Элинаэль не знала, куда деваться от стыда, а Иссима тем временем продолжала при немом одобрении Эдрал... подруги!

— А теперь взгляни на себя — ты очень красива, у тебя необычно ценный и редкий Дар, ты стала Советником, даже не закончив первый год обучения, и у тебя есть любовь Вирда! Половина женщин Города Семи Огней готовы на все, даже переспать с самим Древним и родить ему наследника, ради того, чтобы получить то же, чем обладаешь ты, а другая половина пойдет на все это, лишь бы только тебя того лишить!

— Ну, тут тыхватила через край, Иссима, — вмешалась Эдрал, — далеко не все таковы!

— Все! И даже я!

Элинаэль удивленно воззрилась на подругу: шутит?

Иссима залилась звонким смехом:

— Он — мужчина, Элинаэль! Молодой мужчина! И если хочешь удержать его...

— Все! Иссима! Все! Я не могу об этом говорить, спасибо за совет... Я подумаю, но...

— Она слишком резка, — Эдрал подошла к Элинаэль, взяла ее за руку и заглянула в глаза, — но в чем-то она права...

Итин Этаналь

Итин не думал долго над тем, что построить на месте Конюшен Пятилистника. Когда-то великий Тотиль возвел это серое уродливое здание, чтобы посрамить слишком уж закоснелых на своих правилах неодаренных Мастеров Строителей. Его насмешка простояла восемьсот лет, давая пищу для размышлений, вдохновляя тех, кто создан был для строительства крепостей и городских стен, а не дворцов или мостов, мозоля глаза многим поколениям Королей-Наместников, что видели здание, обращая взгляд на воды Тасии-Тар. Мило Второй, как только вернулся с войны и узнал об Итине Этанале, тут же обратился с прошением к Верховному Фазлю и Совету Семи, чтобы именно «новый Тотиль» построил здесь... «хоть что-нибудь» — как изволил выразиться король. И у «нового Тотили» поначалу был соблазн последовать примеру Тотили прежнего и возвести «что-нибудь» столь же поучительное и устойчивое, как Конюшни Пятилистника. Но Итин был человеком мягким, не злым, к тому же он слишком долго в своей жизни строил дороги и крепкие, но простые дома, — его душа Архитектора взывала бы и взбунтовалась, только попробуй он начать вновь действовать не по велению сердца, а по правилам.

Итин возвел фонтан. Зданий в этом районе и так хватало: чуть выше по реке — пятнадцать Башен Огней, позади — Дворец Короля-Наместника, дома придворных вдоль Тасии-Тар. А вот фонтанов здесь не было. Он сплавил сверкающей поверхностью площадку, подвел к ней дорожки и потом посредине сваял скульптурную композицию: семь Мастеров Силы стояли кругом, соприкасаясь спинами, один из них держал в руках раскрытую книгу, символизируя знания и мирный Путь, другой — меч, символ боевого Пути, у четверых в руках ничего не было, они могли быть носителями любого из известных Даров, руки этих четверых застыли в танце работы с Силой, а еще один держал над их головами живое полыхающее пламя — Мастер Огней. Советник Кисам лично создала это пламя для его композиции. Их опоясывала струящаяся вода, символизирующая потоки Силы, руки каждого касались ее, и в месте соприкосновения бил фонтан.

Итин ярко представлял, как это будет выглядеть, с самого начала, но с водой управиться не мог. Архитектор — Мастер Силы, может заставить воду застыть, принять нужную ему форму, но свободно струиться и бить фонтанами в нужных местах — нет. Помощь пришла, откуда не ждали — подействовал завершению фонтана не кто иной, как Мастер Стихий. Когда Итин думал над тем, что Разрушитель приложил руку к его творению, более того, — помог обрести всей композиции целостность, у него ум заходил за разум. Может ли такое быть? Но Тико Талад обладал уникальной способностью — разрушать с ювелирной точностью. Вернее в этом случае было бы говорить не «разрушать», а «высвободить». Итин, строя что-либо, пленял воду, камень, ветер, повелевая им делать угодное ему, иной раз совершенно не присущее их природе, а Мастера Стихий — освобождали их. И высвобожденная Тико вода струилась с таким изяществом и такой страстью, каких никогда не дали бы технические ухищрения, применяемые обычно при возведении фонтанов.

Тико стоял довольный собою, а Итин — изумленный, обескураженный происходящим с ним в последнее время, в том числе и совместной работой с Разрушителем.

Открытие фонтана, несмотря на то, что Итин настаивал на скромной церемонии, проходило довольно торжественно, особенно для нынешнего тревожного времени. Король-Наместник и его придворные расстарались, создав музыкантов,

устроив фуршет, пригласив на открытие значимых особ. Мастеров Силы, правда, было немного: советник Мило Второго, пара не знакомых Итину Целителей, Мастер Ахалис и Мастер Халт, гордо взиравшие на прославившегося представителя их цеха, какой-то Мастер Полей. Никто из Семи прийти не смог, как и Верховный. Они оценят его творение, но позже — понимал Итин, немного расстроенный их отсутствием.

Увидев фонтан, Король-Наместник твердо вознамерился наградить Итина. Иметь собственные земельные наделы или принимать титулы Одаренному в Тарии не позволялось, поэтому наградой должен был стать орден на груди из золота и драгоценных камней, который Мило Второй готовился вручить Архитектору во дворце сегодня же вечером. Когда закончилось краткое торжество, придворные разошлись, за исключением того, кому поручено было сопровождать Мастера Этаналя в зал торжеств для продолжения. Но тратить время на еще одну церемонию — награждение, с последующим банкетом в обществе придворных, не очень-то хотелось. Город Семи Огней готовился к серьезной войне, и Итин хоть и не знал, чем он — мирный Мастер, может здесь помочь, все же понимал, что в стороне не останется. И если Разрушитель способствовал ему в деле созидания, то и Строитель, скорее всего, может оказаться полезен в бою.

От перспективы праздного безделья их избавил Мастер Бэл, что пришел за Тико. Командир Разрушителей — мужчина среднего роста и сложения, с темными волосами и светлыми глазами уроженца центральной Тарии, носил прическу из четырех кос: две ниспадали на спину, две — на грудь. Одет Кидо Бэл был просто (для Мастера Силы): в утепленную короткую коричневую куртку, свободные брюки, — ни расшитого кама, ни подбитого мехом плаща. Какое-то время он молча наблюдал за происходящим, а затем обратился к юноше, помогавшему Итину:

— Танцы, Тико! Тебя ждут танцы, а ты здесь прохлаждаешься?

— Танцы? — удивился Итин, поднимая брови, и выражение его лица заметил командир Разрушителей.

— Что, никогда не видел, как танцуют Мастера Стихий? — спросил он.

— Нет. — Итин расплылся в улыбке — Мастер Бэл шутит? Но лицо того было серьезным.

— Хочешь взглянуть?

Итин покосился на посланника короля, твердо вознамерившегося во что бы то ни стало сопроводить его и Тико во Дворец для награждения, и поклонился тому со словами:

— Передайте мои извинения Королю-Наместнику, я не смогу сегодня прибыть на церемонию награждения. Мне нужно участвовать в подготовке к обороне Города.

Посланник сдвинул брови, но Итин уже следовал быстрым шагом за Мастером Бэлом. Тико семенил рядом, постоянно оглядываясь на застывшего с открытым ртом придворного и чувствуя неловкость, которую ощущать должен был он — Итин.

— Вы специально пришли за мною, Мастер Бэл? — Юный Разрушитель удивлен тому, что командир из Золотого Корпуса лично искал его.

— Нет, Тико. Я просто шел мимо и, увидев всю эту суету вокруг фонтана, решил взглянуть, — весело отвечал Мастер Бэл: он сегодня был в хорошем настроении. — А когда заметил тебя, то подумал, что тебе еще учиться и учиться, а ты слоняешься без дела!

— Тико Талад помог мне завершить фонтан, — вмешался Итин, — построить...

— Разрушитель?! Построить?! — Мастер Бэл метнул на него делано гневный взгляд и даже сбавил немного шаг.

Итин запнулся, подбирая правильные слова... но ведь именно построить помог ему Тико.

— С чего это ты вдруг стал строить, Талад? — усмехнулся Бэл.

— Я... — Парень весь покраснелся, сгорбился и сжался. Неужели для Мастера Стихий так оскорбительно звучит слово «строить»? — Я... нет...

— Он высвобождал! — вновь вмешался Итин. — Я этого не мог сделать, и фонтан оставался незаконченным, вот Тико и помог «освободить», — Итин сделал ударение на этом слове, — воду.

— А! Ну, тогда другое дело! — вновь посмеиваясь, произнес Мастер Бэл. — Я договорился, Талад, что ты и... кто там у вас еще в Академии из наших — Шос Аштай?.. Вы будете теперь посещать все наши тренировки в Золотом Корпусе, а уже если останется время, то пролистаете парочку книг по истории Тарии вместе с другими студентами. Удивительно, что среди всех десяти групп — Разрушителей только двое.

В мое время нас было больше двух десятков на учебный поток. Скоро будем такими же ценными, как Мастера Огней? — Он обернулся и подмигнул Тико.

Тренировки бойцов Золотого Корпуса проходили на левом берегу Тасии-Тар, выше по течению. Там достаточно обширная площадка, обнесенная высоченным забором, заботливо возведенным Строителями. Здесь же было и подобие казарм, хотя каждый Мастер Золотого Корпуса имел жилье в Городе Семи Огней.

Разрушители же «танцевали», как выразился Бэл, не на площадке за забором — им требовалось гораздо больше свободного пространства, и оно было вырвано у пригорода и предоставлено в полное распоряжение отрядов Мастеров Стихий. Место это располагалось еще дальше, за небольшой дубовой рощицей.

Когда Итин увидел издали то, что представляло собой это самое место, он едва сдержал стон и пожалел, что пришел сюда: развороченная земля, испещренная рытвинами, оврагами и трещинами, вывернутые с корнем сухие стволы деревьев, глина вперемешку с плодоносным слоем земли, лишь кое-где изредка поросшая вездесущими сорняками, огромные камни, некоторые расколоты напополам, некоторые втиснуты в землю, будто бы вбиты гигантским молотом... Работа Разрушителей во всей красе! Торжество шандарилы (славное словечко из лексикона горцев)! Царство хаоса! В Итине даже проснулся Дар, требуя привести в порядок участок.

Лицо Мастера Бэла выглядело донельзя довольным, а настроение Итина испортилось: уж лучше бы он пошел во Дворец Короля-Наместника и улыбался там в ответ на лстивые похвалы придворных. Съежившись от неприятной ему атмосферы, что царила здесь, Архитектор присел на краешек большого камня и принялся наблюдать. Двадцать Мастеров Силы и два все еще студента — Тико Талад и Шос Аштай, строились в шеренгу на плацу. Сейчас начнут разрушать... Когда Итин работал в горах совместно с бойцами Золотого Корпуса, он и другие Строители приходили на место лишь после того, как Мастера Стихий закончат, они видели последствия их действий, но никогда не наблюдали за самими действиями; и вот Итину выпало такое сомнительное счастье — быть свидетелем таинства рождения разрушительного хаоса...